

А. Ф. Кони (1844—1927).

Фото 1890-х гг.

Анатолий Федорович

Кони

ЗАКОН
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Судебные речи и статьи

Иллюстрированное издание

Москва

УДК 347.921(091)(47)
ББК 67.75
К64

Дизайн серии: *И. Осипов*

Оформление переплета: *Е. Вдовиченко*

Кони, Анатолий Федорович.

К64 Закон и справедливость. Статьи и речи / А. Ф. Кони. — Москва : Эксмо, 2024. — 640 с. : ил. — (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

ISBN 978-5-699-62147-7

Анатолий Федорович Кони (1844–1927) — знаменитый российский юрист, прокурор, судебный оратор, государственный деятель, литератор, член Государственного совета Российской империи.

Многие громкие дела и судебные процессы в царской России расследованы, проведены, справедливо и юридически грамотно оценены именно благодаря усилиям А.Ф. Кони. Он всегда стоял на стороне закона, боролся за свободу вероисповедания, отстаивал права женщин. А.Ф. Кони был человеком «исключительных дарований и исключительных заслуг перед нашей страной. Общественный деятель, тесно связавший свое имя с лучшими традициями русской общественности и могущий служить образцом для многих последующих поколений; глубокий и вдумчивый знаток и исследователь права; тонкий литературный критик и историк русской литературы и общественного движения, великий мастер литературного и живого слова, А.Ф. Кони по справедливости заслужил себе благодарную признательность русского общества...» (академик С.Ф. Ольденбург).

Это издание продолжает популярную серию «Российская императорская библиотека», собравшую проверенные временем, классические работы по истории России, настоящие шедевры отечественной исторической и духовной мысли, появление каждого из которых в свое время стало крупным событием общественной жизни страны. Имена авторов говорят сами за себя: Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров, В.О.Ключевский, С.М. Соловьев, С.Ю. Витте, Е.В. Тарле, — труды их обозначили начало новой эпохи в деле изучения нашего прошлого.

УДК 347.921(091)(47)
ББК 67.75

ISBN 978-5-699-62147-7

© Современная версия, иллюстрации, макет. Издательство «Артнет Медиа», 2012
© ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Анатолий Федорович Кони родился в Петербурге 28 января (10 февраля) 1844 г. Его отец, Федор Алексеевич Кони, был известным водевилистом и театральным критиком, редактором-издателем (1840–1857 гг.) журнала «Пантеон», в котором сотрудничали Некрасов, Григорович, Полонский, Мей. Мать А. Ф. Кони — Ирина Семеновна Юрьева — актриса и писательница. Она выступала на сцене под фамилией «Сандунова». В доме родителей А. Ф. Кони часто бывали прогрессивные писатели и мастера русской сцены. Общение с ними, несомненно, оказывало влияние на формирование передовых для своего времени нравственных идеалов юного А. Ф. Кони.

В 1865 году А. Ф. Кони успешно закончил юридический факультет Московского университета. Его первая

печатная работа «О праве необходимой обороны», написанная еще в студенческие годы, вызвала большой интерес общественности. Заинтересовалась ею и царская цензура. Внимание цензуры было обращено на то место в работе, где автор писал: «В справедливости и целесообразности допущения необходимой обороны в случае незаконных действий общественной власти нельзя сомневаться».

Говорят, что если государственная власть допустит возможность незаконных действий со стороны чиновников и будет позволять сопротивление таким действиям, то она уронит свое достоинство. Это несправедливо, потому что достоинство государственной власти, напротив, выигрывает, если она будет строгой блюстительницей закона и будет всегда одинаково строго смотреть на отступников от закона, невзирая на их общественное положение. Твердая государственная власть зиждется на уважении к закону; как бы хороши ни были законы, но там, где власть государства сама будет относиться к ним поверхностно; где представители ее, вместо осуществления закона, будут действовать по своему произволу и злоупотреблять дарованной им властью; где гражданин будет знать, что норма деятельности определяется не законом, существующим только *pro forma*, а усмотрением лиц «власть имущих», там не может быть истинной свободы, истинного порядка и того, что составляет поддержку всякого общества — уважения к закону. Власть

не может требовать уважения к закону, когда сама его не уважает: граждане вправе отвечать на ее требования: “врачу, исцелися сам”».

По окончании университета А. Ф. Кони работает помощником секретаря петербургской судебной палаты. Затем он занимает должность товарища прокурора окружного суда в Сумах, Харькове, Казани. Выдающееся дарование Кони как оратора, его объективность и гуманизм были отмечены общественностью уже после первых его публичных выступлений в суде.

Обладая незаурядными способностями, А. Ф. Кони быстро продвигался по служебной лестнице: в 1871 году двадцатисемилетний Кони — прокурор столичного окружного суда. Он выступил в Петербурге в ряде на шумевших судебных процессов и закрепил за собой славу талантливого судебного оратора.

Находясь на различных должностях в судебном аппарате, А. Ф. Кони изучает историю уголовного процесса и права России и Запада, обобщает свои наблюдения, касающиеся практической деятельности судов, и издает теоретические исследования по вопросам уголовного процесса. Кроме того, Кони публикует несколько работ о судебной этике и культуре речи.

В 1876 году А. Ф. Кони назначается преподавателем теории и практики уголовного судопроизводства училища правоведения, а в 1877 году он становится председателем петербургского окружного суда.

Под председательством А. Ф. Кони в 1878 году петербургский окружной суд слушал дело по обвинению Веры Засулич, которая ранила петербургского градоначальника генерала Ф. Ф. Трепова, выстрелив в него из пистолета.

Выстрел Засулич был ответом на истязания политического заключенного Боголюбова, которого по личному приказу Трепова на глазах у других заключенных высекли розгами. Ее поступок рассматривался прогрессивной общественностью как гневный протест против произвола царских прислужников.

Министр юстиции и царь Александр II перед судебным процессом по делу В. Засулич требовали от А. Ф. Кони заверения в том, что подсудимая будет осуждена присяжными. Такой гарантии они от А. Ф. Кони не получили.

Тогда министр юстиции граф Пален предложил Анатолию Федоровичу, чтобы он допустил в судебном процессе по делу В. Засулич преднамеренное нарушение закона и таким образом искусственно

создал бы кассационный повод в случае оправдательного вердикта присяжных. На это Кони ответил: «Я председательствую всего третий раз в жизни, ошибки возможны и, вероятно, будут, но делать их сознательно я не стану, считая это совершенно несогласным с достоинством судьи...».

Рассмотрение дела В. Засулич в судебном заседании закончилось оправдательным вердиктом присяжных заседателей. Оправдание Засулич было по сути дела осуждением системы бесчинств и произвола, творимых царскими сатрапами. Прогрессивная печать и общественность единодушно приветствовали приговор присяжных.

Дело Веры Засулич было знаменательной вехой в биографии Кони и определило его отношение к царскому правительству.

Царь, его приближенные и официальная печать обвиняли А. Ф. Кони в том, что он как председательствующий в напущении присяжным заседателям якобы «внушил» и «предложил» вынести оправдательный вердикт по делу В. Засулич. Им было необходимо освободиться от нежелательного председателя петербургского окружного суда, по закону несменяемого, чтобы в дальнейшем другие судьи беспрекословно выполняли волю монарха и его приближенных.

Министр юстиции прибегал к различным методам, чтобы добиться согласия Кони на отставку. Он угрожал ему... Он уговаривал его... Но Анатолий Федорович был непреклонен.

Пален знал, что Кони можно сместить с должности, заставив его подать прошение об уходе в отставку по собственному желанию, или уволить по приговору уголовного суда. В случае отсутствия этих двух условий указ царя об увольнении Кони был бы грубым нарушением закона. Это заставляло Палена всевозможными путями добиваться от Кони полномочий доложить монарху, что Кони признает свою вину перед царем в оправдании Засулич и просит об увольнении от должности. А. Ф. Кони наотрез отказался выполнить требование министра юстиции. При этом Анатолий Федорович руководствовался отнюдь не корыстными соображениями. Он мог приобрести гораздо большие материальные блага в адвокатуре, но считал, что работа в адвокатуре — это служба частным интересам, а он имел призвание служить обществу.

А. Ф. Кони понимал, что, требуя его отставки, высокопоставленные чиновники хотят подорвать принцип независимости и несменяемости судей. В то же время он отдавал себе отчет в том, что его

поведение послужит примером для провинциальных судей. Отвечая Палену отказом признать свою вину и уйти в отставку, Кони говорил: «А Вы хотите, чтобы эти далекие деятели (имеются в виду провинциальные судьи), живущие только службой, узнали, что председателя первого суда в России, человека, имеющего судебное имя, занимающего кафедру, которого ждет несомненный и быстрый успех в адвокатуре и для которого служба — далеко не исключительное и неизбежное средство существования, — достаточно было попутать несправедливым неудовольствием высших сфер, чтобы он тотчас, добровольно, с готовностью и угодливой поспешностью отказался от лучшего своего права, приобретенного годами труда и забот, — отказался от несменяемости... “Если уже его, стоящего на виду и сравнительно независимого, можно было так припугнуть, — скажут они, сидя в каком-нибудь Череповце или Изюме, — то что же могут сделать с нами?! На нас станут кричать и топтать ногами, обвиняя нас в своих ошибках...”. Вот во имя этих-то череповецких и изюмских судей я и не могу дать вам полномочия, о котором вы... говорите...».

Травля, интриги со стороны высокопоставленных чиновников и приближенных царя в конце концов все же вынудили А. Ф. Кони уйти с поста председателя петербургского окружного суда. В 1881 году он принимает предложение министра юстиции Набокова занять должность председателя гражданского департамента петербургской судебной палаты.

В своих воспоминаниях А. Ф. Кони пишет, что он вынужден был это сделать, чтобы восстановить вконец расшатавшиеся нервы и переменить род занятий. Он был специалистом в области уголовного права и процесса, но уже через шесть месяцев почувствовал себя в «седле» в новой должности и прекрасно справлялся с большими и сложными гражданскими делами. Однако в должности председателя гражданского департамента петербургской судебной палаты деятельность Кони была ограничена рассмотрением только гражданских дел, а главное, А. Ф. Кони в этой должности был лишен возможности применить «живое слово». Его тянуло на передний край судебной деятельности, где была бы возможность использовать свой талант судебного оратора.

В 1885 году А. Ф. Кони назначается на пост обер-прокурора уголовно-кассационного департамента правительствующего сената. Александр III дал согласие назначить А. Ф. Кони обер-прокурором

только после того, когда ему разъяснили, что от должности обер-прокурора Кони может быть уволен при первой необходимости, тогда как председатель гражданского департамента петербургской судебной палаты несменяем.

В 1894–1899 годах А. Ф. Кони работал в так называемой муравьевской комиссии, созданной для пересмотра судебных уставов 1864 года. В этой комиссии он горячо отстаивал суд присяжных от постоянных нападков реакционных чиновников и публицистов.

Защитая суд присяжных, Кони считал его «судом от Бога». Он сомневался в том, что человечество может найти лучшую форму суда, который бы заменил собой суд присяжных. Он боролся за его сохранение в то время, когда царское правительство принимало меры к ограничению компетенции суда присяжных, изымая из его производства различные категории дел.

Служебная деятельность Кони — это только одна сторона его жизни. Вместе с тем он был признанным авторитетом в области юридической науки, являлся известным общественным деятелем и большим знатоком русской литературы.

В 1890 году Харьковским университетом А. Ф. Кони было присвоено звание доктора уголовного права, а в 1900 году он получает звание почетного академика разряда изящной словесности Академии наук. Кроме того, он был почетным членом Военно-медицинской академии, Московского психологического общества и юридических обществ — Московского, Петербургского, Киевского, Казанского, Харьковского, Томского, Курского и Кавказского. Он поддерживал дружеские отношения с Н. А. Некрасовым, И. А. Гончаровым, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко, А. П. Чеховым и другими писателями.

Воспоминания А. Ф. Кони о встречах с выдающимися русскими писателями и его переписка с ними представляют значительный интерес.

Анатолий Федорович начал свой жизненный путь в эпоху реформ 60-х годов XIX столетия. Он был современником трех революций в России, пяти войн — крымской, русско-турецкой, русско-японской, Первой мировой и гражданской войны. Его знакомство с виднейшими представителями чиновничьего мира царской России, его встречи с выдающимися писателями, его впечатления и богатая судебным опытом и наблюдениями жизнь давали ценный материал, который Кони в своих произведениях преподносит читателю в прекрасной литературной форме.

Характерной чертой А. Ф. Кони было то, что он твердо и последовательно отстаивал свои убеждения. Находясь на различных должностях в бюрократическом государственном аппарате России, он не утрачивал независимости своих взглядов и неоднократно выступал в защиту свободы слова, печати, совести, расширения прав женщин и т. п.

А. Ф. Кони принадлежал к группе либеральной бюрократии. Период судебных реформ в России 1864 года являлся для него предметом постоянного умиления.

После Октябрьской революции А. Ф. Кони остался на родине и принял новую власть.

Впоследствии он принимает активное участие в пропаганде знаний; выступает с лекциями и докладами на литературные, исторические и юридические темы в различных аудиториях: на Путиловском заводе, в народных библиотеках, перед строителями Волховстроя и в народных школах.

Одновременно он преподает в первом и во втором Петроградских университетах уголовный процесс и судебную этику, ведет курс теории и практики ораторского искусства в Институте живого слова, читает лекции врачам, педагогам, инженерам, писателям, архитекторам, артистам, адвокатам, судьям, профессорам и академикам. Он неоднократно выезжает в Москву и читает лекции в Политехническом музее и в Московском университете.

Анатолий Федорович Кони умер 17 сентября 1927 г.

* * *

Данное издание избранных произведений А. Ф. Кони содержит статьи, судебные речи и воспоминания в трех частях.

Часть первая содержит статьи Анатолия Федоровича Кони и его судебные речи. В нее включены наиболее известные и представляющие интерес в теоретическом отношении произведения, не утратившие своего значения и в настоящее время.

Открывается эта часть работой «Нравственные начала в уголовном процессе». Она является оригинальной в том смысле, что А. Ф. Кони впервые ставит вопрос о необходимости изучения нравственных начал в уголовном процессе, который, согласно его убеждениям, основан на принципах гласности, устности, непосредственности, свободной оценки доказательств и презумпции невиновности. Он считает невозможным ограничивать

в юридических учебных заведениях преподавание уголовного процесса только чтением лекций об исторических и действующих правовых нормах, устанавливающих определенные формы судопроизводства. Он показывает, что не менее важными являются нравственные, неписанные начала, соблюдение которых, по мнению А. Ф. Кони, поможет решать вопрос о судьбе людей не только правильно по форме, но и по существу, без унижения человеческого достоинства подсудимого, потерпевшего, свидетеля.

Как бы ни были хороши процессуальные правила деятельности суда, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках. Подтверждая это положение, А. Ф. Кони приводит народную поговорку: «не суда бойся, бойся судьи!» и делает вывод, ссылаясь на французского криминалиста Ортолана, о том, что честный гражданин может не подпасть под действие дурных уголовных законов, но он не может избежать дурного отправления правосудия, при котором самый справедливый уголовный закон обращается в ничто.

В «Нравственных началах» А. Ф. Кони показывает, что судья не имеет права решать вопросы, исходя из принципа «я так хочу», он должен руководствоваться положением «я не могу иначе», ибо это ему (судье) подсказывают логика, внутреннее убеждение, жизненный опыт и смысл закона. Важным для отправления правосудия является не только то, что произносит судья, но и то, как он произносит, учитывает ли он при этом волнение и страх подсудимого перед судом, положение потерпевшего, которому нанесли психическую травму или лишили законных прав и т. д.

В статье говорится об этических основах поведения в судебном процессе прокурора и адвоката. А. Ф. Кони использует здесь много материала из своей судебной практики. Его взгляды на принципы судопроизводства и глубокий логический анализ деятельности судьи, прокурора и адвоката в судебном процессе заслуживают внимания.

Затронутые в «Нравственных началах» вопросы, касающиеся прокурорской деятельности, показаний обвиняемого и свидетелей, более глубоко разработаны в статьях: «Приемы и задачи обвинения», «Искусство речи на суде», «Обвиняемые и свидетели», «Свидетели на суде». Указанные статьи публикуются с незначительными сокращениями,

*И. Е. Репин. Портрет А. Ф. Кони.
1898 г.*

вызванными, как правило, устранением некоторых повторений фактического материала.

Анатолий Федорович считал, что в обвинительной речи прокурора совершенно недопустима насмешка над подсудимым или употребление в отношении подсудимого резких эпитетов вместо убедительных доводов, подтверждающих виновность подсудимого. В статье «Приемы и задачи обвинения» он протестует против поведения прокурора, который, возвратившись из суда, рассказывал: «Ну, хоть я и проиграл, но зато ему всю морду сапогом вымазал, — останется доволен, — разумея под ним

подсудимого». Он приводит пример из судебной практики, когда прокурор высказал в суде свое удивление тем, что среди людей существуют еще такие субъекты, как подсудимый, «являющий собою нечто худшее, чем даже тигр — враг человечества», или другой пример: прокурор назвал подсудимого «морским чудовищем». Естественно, что подобные приемы обвинения не убеждают суд в совершении преступления подсудимым, они лишь свидетельствуют о беспомощности обвинения.

А. Ф. Кони придерживался точки зрения, что между обвинителем и защитником в судебном процессе должны быть отношения особого такта и выдержки. Поэтому крайнего сожаления, по мнению Кони, заслуживают случаи, когда прокурор намекает или даже прямо указывает на то, что защита руководствуется лишь денежными соображениями, говоря, например: «уверения защитника в невинности обвиняемого вызваны не столько убеждением, сколько крупным гоно-
рамом» и т. п.

«Особенно бережно судебным ораторам нужно относиться к живому слову. Простая перемена в расположении слов может привести к искажению смысла. Каждое слово, прежде чем его произнести, нужно взвесить, оценить и расположить в правильном соотношении с другим», — писал А. Ф. Кони. Он приводит пример искажения смысла перестановкой слов. Так, в одном из объявлений в газете было напечатано: «актеры-собаки» вместо: «собаки-актеры». «Стоит переставить слова, — указывал Кони, — в народном выражении “кровь с молоком” и сказать “молоко с кровью”, чтобы увидеть значение отдельного слова, поставленного не на свое место».

Кони вспоминает, как в речи одного защитника пафос не достигал своей цели вследствие странного расположения определений, которые шли в убывающем по силе порядке. Его высказывания не были восприняты слушателями так, как хотел того оратор, характеризовавший положение подсудимого следующим образом: «Господа присяжные! — восклицал он, — положение подсудимого перед совершением преступления было поистине адское. Его нельзя не назвать трагическим в высшей степени. Драматизм состояния подсудимого был ужасен: оно было невыносимо, оно было чрезвычайно тяжело и, во всяком случае, по меньшей мере неудобно».

Выдающийся мастер «живого слова», Анатолий Федорович не только умел произносить содержательные по существу и безукоризненные по форме речи, но и стремился передать другим частицу своего ораторского мастерства. Его набросок статьи «Советы лекторам» содержит простые и в то же время полезные советы о форме построения лекции, о том, как использовать риторические приемы, как привлечь внимание аудитории и заставить ее слушать лектора.

Судебные речи А. Ф. Кони звучат ярко и убедительно. Его манера говорить и стиль речи захватывают слушателя и читателя. В судебных речах

А. Ф. Кони — строгая логика, всесторонняя аргументация, глубокий психологический, юридический анализ действий подсудимого и убедительное исследование доказательств по делу. Его умение использовать все материалы дела для подтверждения своей точки зрения является достойным подражания.

В большинстве судебных речей содержатся глубокие мысли по отдельным теоретическим вопросам уголовного права и процесса. Высказывания А. Ф. Кони в отношении оценки вещественных доказательств, анализа показаний подсудимого, свидетеля, потерпевшего, эксперта не потеряли своего значения.

А. Ф. Кони мастерски и убедительно умел воссоздать картину преступления даже и в тех делах, где не было прямых доказательств. Он и здесь находил необходимые краски, талантливо используя совокупность косвенных улик.

В этом смысле особенно яркой является его речь по делу Егора Емельянова, обвинявшегося в убийстве жены. Прямых доказательств совершения преступления Емельяновым в следственном деле не было, они не были добыты и в ходе судебного заседания. Защитник Емельянова — Спасович после окончания судебного следствия сказал, обращаясь к Кони: «Вы, конечно, откажетесь от обвинения: дело не дает вам никаких красок — и мы могли бы еще сегодня собраться у меня на юридическую беседу». — «Нет, — ответил А. Ф. Кони, — краски есть: они на палитре самой жизни и в роковом стечении на одной узкой тропинке подсудимого, его жены и его любовницы».

Кони произносит убедительную речь, тонко анализируя косвенные доказательства. Он соединяет разрозненные звенья отдельных фактов в общую цепь неразрывного логического вывода об утоплении Емельяновым своей жены. Присяжные согласились с Кони и признали подсудимого виновным в убийстве жены с заранее обдуманным намерением.

А. Ф. Кони строил свои речи на научных данных. Выводы, к которым он приходил, были логически обоснованными и опирались на факты, имеющиеся в материалах судебного дела. В судебных речах он как обвинитель использовал доказательства, не только подтверждающие вину подсудимого, но и оправдывающие или смягчающие вину. Речи Кони были и остаются прекраснейшими образцами ораторского искусства. Они пользовались заслуженной популярностью и сейчас читаются с большим интересом и вызывают чувство восхищения

богатством красок, строгой и последовательной логикой, спокойным и убедительным тоном.

Его речи не похожи на речи французских обвинителей, которые, как писал Кони, столь часто превращали свое участие в судебных прениях в «запальчивую травлю подсудимого», несмотря ни на что и вопреки всему.

Остроумную характеристику приемов такого обвинения, по мнению Кони, дал Лабулэ в следующих строках: «Я беру его (обвиняемого) со времени рождения; имея год от роду, он укусил свою кормилицу, двух лет он показал язык своей матери, трех лет украл два куска из сахарницы своего деда, четырех лет таскал яблоки из чужого сада, и если негодяй в пять лет от роду не сделался отцеубийцей, то лишь потому, что имел счастье быть сиротой!»

В судебных речах Кони отсутствуют личное озлобление против подсудимого, стремление к возбуждению страстей и к искажению фактических обстоятельств дела, фальшь в голосе и жесте. Для Кони характерно меньше в судебных речах объективно, всесторонне и в то же время кратко излагать дело, не преувеличивая значения доказательств, как отягчающих, так и смягчающих вину подсудимого, не преувеличивая важности самого преступления. Он считал, что речь обвинителя — «говорящего судьбы» должна быть сжатой и приковывать к себе внимание слушателей, но не утомлять их. Он исходил из убеждения, что «у человека с коротким умом язык обыкновенно бывает слишком долгим», и придерживался в своих речах правил: «Лучше ничего не сказать, чем сказать — ничего», «Правилу следуй упорно, чтобы словам было тесно — мыслям просторно».

Во второй части читатель найдет наиболее содержательные и глубокие обвинительные речи: «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем», «По делу о расхищении имущества умершего Николая Солодовникова», «По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах, обвиняемых во ввозе в Россию фальшивых кредитных билетов, и Герминии Акар, обвиняемой в выпуске в обращение таких билетов», и другие, а также руководящее напутствие присяжным по делу коллежского советника К. Юханцева, кассационное заключение по делу о мултанском жертвоприношении и прочие.

Третья часть избранных произведений включает в себя воспоминания А. Ф. Кони. Сюда входят также воспоминания о Ф. М. Достоевском, А. П. Чехове, В. Г. Короленко.

Открывается часть воспоминаниями А. Ф. Кони о деле Веры Засулич. Они публикуются без отступлений от рукописного текста А. Ф. Кони. Глава о ходе судебного заседания, отсутствующая в рукописи, восполняется руководящим напутствием председателя суда присяжным заседателям. В приложении к воспоминаниям по делу Веры Засулич читатель найдет документы: речь обвинителя К. И. Кесселя, речь защитника П. А. Александрова и др. Эти документы в полной мере раскрывают ход судебного процесса.

Выстрел в петербургского градоначальника Трепова рассматривался как справедливое действие, направленное против поругания человеческого достоинства, и вызывал горячие симпатии революционно настроенных кругов и либеральной буржуазии.

Оправдание В. Засулич судом присяжных под председательством А. Ф. Кони было серьезным сигналом для реакционных кругов. Реакция открыто стала предъявлять требования о пересмотре отдельных институтов судебных реформ 1864 года. Такая позиция правительства вызвала протест со стороны прогрессивных сил общества. Защитником этих реформ в течение длительного периода выступал и А. Ф. Кони.

В воспоминаниях А. Ф. Кони имеется ряд противоречивых характеристик встречавшихся с ним личностей. Будучи либералом, верящим в возможность обеспечить законность и правосудие в самодержавной России, Кони многого не понимал, многое оценивал ошибочно. Читатель, конечно, отнесется критически к оценке, данной А. Ф. Кони тем или иным событиям и лицам. В то время А. Ф. Кони не видел (да и не мог видеть) подлинного смысла переживаемых им событий. Он старался дать объективную характеристику событиям, эпизодам, лицам, как бы фотографируя их. Но эта объективность покоится на либеральном восприятии окружающей его действительности, той действительности, в которой А. Ф. Кони замечал только отдельные детали, окружающие его, а не весь процесс общественной жизни. Социальные пороки царской России А. Ф. Кони надеялся устранить путем проведения различных реформ. Он считал, что социальное зло можно искоренить путем хороших законов, улучшения дела народного образования, смягчения наказания политическим заключенным.

В воспоминаниях по делу В. Засулич он пишет: «Поэтому две меры в высшей степени необходимы: пересмотр системы среднего образования в смысле

уменьшения преподавания классицизма... и оживление, действительное и скорое, законодательного аппарата новыми силами и новым устройством, — при котором будут, наконец, энергично двинуты назревшие и настоятельные вопросы народной жизни, без вечных недомолвок и соображений о том: “ловко ли?”, “удобно ли?” и т. д. Относительно же лиц, уже обвиняемых в пропаганде, необходима большая мягкость».

А. Ф. Кони был противником смертной казни. Он выражал свой протест по поводу уголовного законодательства царской России. «Две главные области русского уголовного закона, — пишет он, — возмущающие чувства справедливости и веротерпимости, остались неприкосновенными. Свобода совести русского человека по-прежнему опутана кандалами и по-прежнему смертная казнь раскинула свое окровавленное крыло над всеми, даже и не кровавыми, попытками негодующей души добиться лучшей участи для своей несчастной родины...»

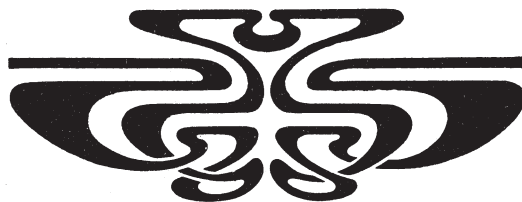
В произведениях А. Ф. Кони много интересного фактического материала, относящегося к судостроительству, уголовному праву и процессу царской

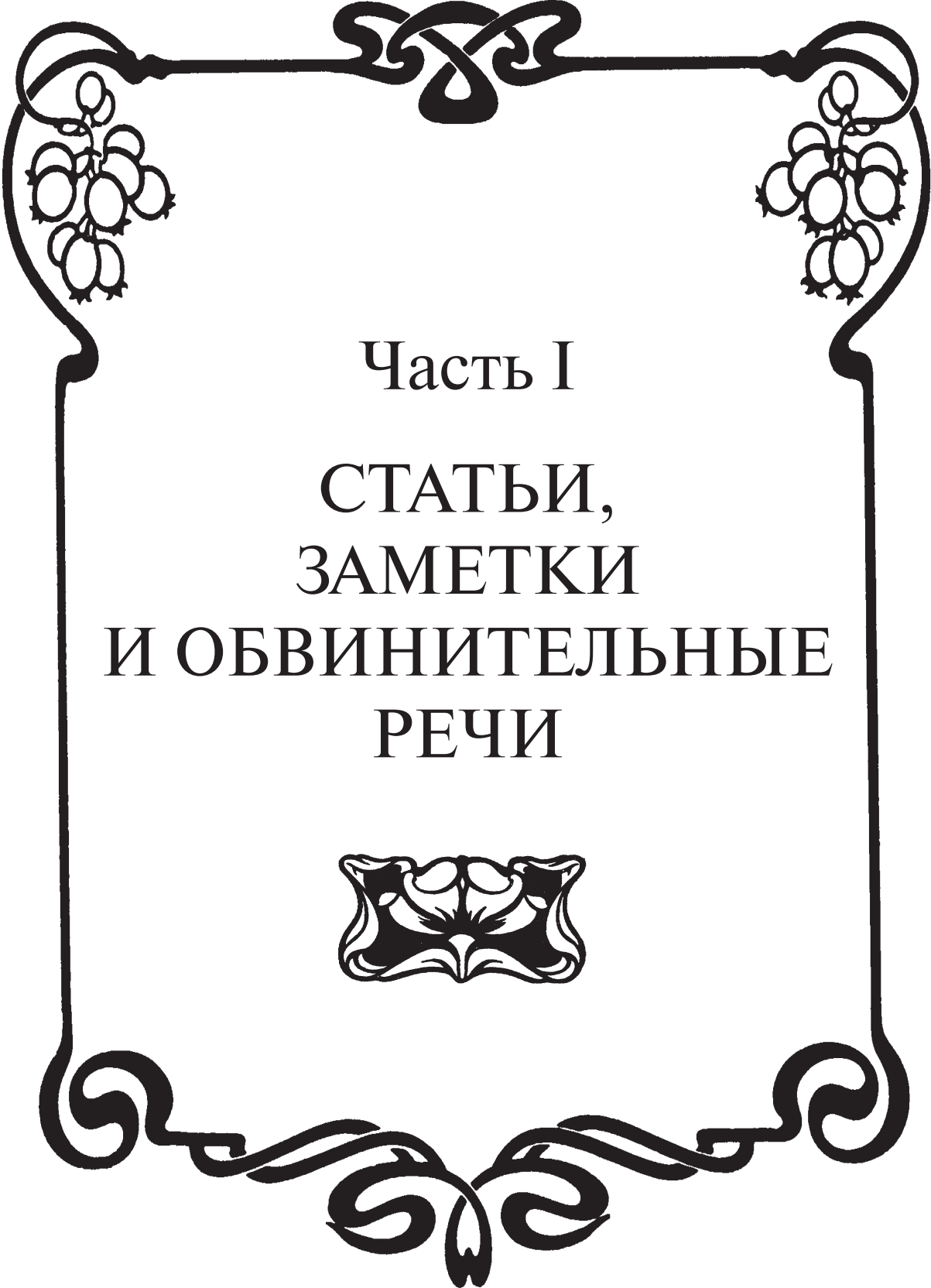
России. Ознакомление с литературным наследством А. Ф. Кони будет полезным для современных читателей: оно поможет уяснению многих вопросов права и судебной практики дореволюционной России. Сегодняшний читатель, конечно, подойдет критически к произведениям А. Ф. Кони с учетом времени их написания.

Содержатся здесь и воспоминания и переписка Кони с выдающимися русскими писателями. В воспоминаниях о встречах с Л. Н. Толстым раскрывается история появления в свет романа «Воскресение». Л. Н. Толстой заинтересовался сюжетом одного уголовного дела, рассказанного ему А. Ф. Кони. Этот сюжет лег в основу «Воскресения», — выдающегося произведения, вошедшего в сокровищницу мировой литературы. Коневской повестью обычно называл этот роман Л. Н. Толстой в дневниках и письмах.

Там же помещены воспоминания А. Ф. Кони о его судебной деятельности, в которых он ярко показывает судебную практику в России конца 60-х и начала 70-х годов XIX столетия.

А. Амелин

Часть I

СТАТЬИ,
ЗАМЕТКИ
И ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ
РЕЧИ

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

(Общие черты судебной этики)

астоящий очерк в сущности касается вопроса педагогического, то есть вопроса о том, не следует ли при современном состоянии уголовного процесса расширить его академическое преподавание в сторону подробного исследования и установления нравственных начал, которым должно принадлежать видное и законное влияние в деле отправления уголовного правосудия. Нет сомнения, что историко-догматическая сторона в преподавании уголовного процесса везде должна занимать подобающее ей по праву место, но думается, что настало время наряду с историей и догмой осветить и те разнородные вопросы, возникающие в каждой стадии процесса, которые подлежат разрешению согласно существенным требованиям нравственного закона — этого *non scripta, sed nata lex**. Ими у нас до сих пор

почти никто систематически не занимался, а между тем нравственным началам, как мне кажется, принадлежит в будущем первенствующая роль в исследовании условий и обстановки уголовного процесса. Формы судопроизводства теперь повсюду более или менее прочно установились. Точно так же определился и взгляд на ценность, пригодность и целесообразность различных судебных учреждений. Законодательство, под влиянием временных ослеплений, может, конечно, отступать назад и возвращаться к устарелым и отжившим учреждениям, но на коренные начала правосудия — гласность, устность, непосредственность и свободную оценку доказательств — оно серьезно посягнуть не решится.

Эти приобретения человечества куплены слишком дорогою ценою многовековых страданий и заблуждений, чтобы с ними можно было легко и надолго расстаться. Вместе с тем едва ли скоро человечество придумает форму суда, могущую с прочным успехом заменить суд присяжных, или найдет возможным обходиться без состязательного начала. Поэтому, по всем вероятностям, в будущем предстоит лишь частичное улучшение некоторых отделов уголовного процесса и уточнение техники производства уголовного исследования. Но рядом с этим изощрением техники должно пойти — будем на это надеяться — развитие истинного и широкого человеколюбия на суде, равно далекого и от механической нивелировки отдельных индивидуальностей, и от черствости приемов, и от чуждой истинной

* Не писанный, но естественный закон (*lat.*).

доброте дряблости воли в защите общественного правопорядка. Тогда главное внимание с полным основанием обратится на изучение нравственных начал уголовного процесса и центр тяжести учения о судопроизводстве перенесется с хода процесса на этическую и общественно-правовую деятельность судьи во всех ее разветвлениях.

Задача уголовного суда состоит в исследовании преступного деяния и в справедливом приложении к человеку, признанному виновным, карательного закона. Но суд не механизм и не отвлечение от жизни, а живой и восприимчивый организм, приходящий в самое непосредственное и богатое разнообразными последствиями соприкосновение с явлениями общежития. Он осуществляется судьей в общении с другими сотрудниками или единолично. На различных ступенях уголовного процесса, исследуя преступное дело и связывая с ним личность содеятеля, оценивая его вину и прилагая к ней меру уголовной кары, наблюдая, чтобы эта оценка была совершаема по правилам, установленным для гарантии как общества, так и подсудимого, судья призван прилагать все силы ума и совести, знания и опыта, чтобы постигнуть житейскую и юридическую правду дела. Облекая эту правду в определенные формы, он должен способствовать, в каждом отдельном случае, восстановлению поколебленного правопорядка. Как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках. Чем больше оттенков в своем практическом применении допускают эти правила, чем глубже касаются они личности и участи человека, чем более важным интересам общественной жизни они служат, тем серьезнее представляется вопрос — в чьи руки отдается приложение этих правил и при каких условиях. Недаром народная житейская мудрость создала поговорку: «Не суда бойся, бойся судьи!». Известный французский криминалист Ортолан указывает на то, что честный гражданин еще может не подпасть под действие дурных уголовных законов, но он лишен средств избежать дурного отправления правосудия, при котором самый обдуманый и справедливый уголовный закон обращается в ничто.

Вот почему центром тяжести организации уголовного правосудия должен быть признан судья с теми неизбежными условиями, в которые его ставит разумное законодательство, и с теми типическими чертами, которыми его снабжает общественное правовое и нравственное чувство.

Постановка звания судьи, пределы свободы его самостоятельности, обязательные правила его действий и нравственные требования, предъявляемые к нему, дают ясную картину состояния уголовного правосудия в известное время и в известном месте. Отношение общественного мнения к судьям рисует, в общих чертах, и характер производимого ими суда. Знаменитая фраза, которую Бомарше вкладывает в уста своего героя: «Я верю в вашу справедливость, хотя вы и представитель правосудия», с яркостью указывает, в каких подкупных и трусливых руках было производство суда в современной ему Испании...

Таким образом, изучение судопроизводства, с точки зрения судейской деятельности, должно распадаться на изучение: а) необходимых свойств этой деятельности, выражающейся главным образом в постановлении приговора, заключающего в себе вывод о виновности на основании внутреннего убеждения судьи, толкование закона в приложении к данному случаю и определение меры наказания; б) необходимых условий этой деятельности, и в) поведения судьи по отношению к лицам, с которыми он приходит в соприкосновение вследствие своей деятельности.

В первом отношении прежде всего особенного внимания заслуживает та роль, которую должно играть в выработке приговора внутреннее убеждение судьи. Ближайшее знакомство с типом судьи в его историческом развитии показывает, что, имея задачей быть живым выразителем правосудия, судья не всегда, однако, принимал одинаковое участие в исследовании истины, и роль, которая отводилась его внутреннему убеждению как основанию приговора, не была однородна в разные исторические периоды. Народный суд гелистов под председательством архонта в Древней Греции, присяжные судьи (*judices jurati*) под руководством претора в Риме до IV века н. э. и франко-германский суд лучших людей, созываемый вождем мархии*, — являются представителями чисто обвинительного начала и решают судебный спор лишь по тем доказательствам, которые представлены истцом-обвинителем и ответчиком-обвиняемым. К доказательствам греческого и римского процессов — задержанию с поличным, собственному признанию и показаниям свидетелей — эпоха *leges barbarorum*** присоединяет свои, выдвигая на первый план очистительную присягу подсудимого

* Территориальное деление, соответствующее области.

** Варварские законы.

и поручителей за него из свободного сословия, с заменой ее ордалией, то есть испытанием огнем, водою и железом. Феодальная система передает суд в руки сеньора, патримониального владельца, по уполномочию которого его заместитель (во Франции — бальи) судит обвиняемого при сотрудничестве определенного числа равных последнему по званию людей. Процесс остается тем же, но в числе доказательств преобладает судебный поединок, получающий особенное развитие в XI и XII столетиях и почти совершенно упраздняющий свидетельские показания.

Так совершается постепенный переход от свободы внутреннего убеждения — при ограниченном круге доказательств — древнего народного судьи к внешней задаче судьи феодального, которая характеризуется отсутствием, или вернее, ненужностью внутреннего убеждения виновности или невиновности подсудимого. Вместо суда человеческого этот вопрос решает суд Божий, выражающийся в наличии или отсутствии несомненных признаков виновности, состоящих в следах ожогов, в победе противника во время «поля» и т. д. Судья, определяя, на чьей стороне истина, не исследует вины и не основывает своего приговора на сопоставлении и взвешивании внутренней силы доказательств: поличное, ордалия, поединок и даже собственное сознание такой работы, по тогдашнему взгляду, вовсе не требуют.

Сплочение государств в одно целое и торжество монархического единства над феодальной раздробленностью объединяют и суд, сосредоточивая его в руках специальных судей, назначаемых от короны. Их роль изменяется. Подобно служителям церкви, имевшим свой особый, инквизиционный процесс, коронные судьи начинают разыскивать доказательства преступления и доискиваться виновности подсудимого. Под влиянием церкви, которая все более и более сливается с государством, устраняются кровавые доказательства. Исчезают всякие следы ордалий, не назначается более судебных поединков. Но связанное с проповедью мира и человеколюбия влияние церкви на светский суд привело к обратному результату, присвоив этому суду приемы и обстановку своих исследований. Очищенная церковью от воззрений феодального времени, система доказательств сосредоточилась на показаниях и прежде и главное всего на собственном сознании и оговоре. Это сознание надо добыть во что бы то ни стало, — не убеждением, так страхом, не страхом, так мукою. Средством для этого является пытка. Употреблявшаяся в античном

мире и в феодальную эпоху очень редко и лишь относительно рабов и несвободных, пытка становится универсальным средством для выяснения истины. Судья допытывается правды и считает за нее то, что слышит из запекшихся от крика и страданий уст обвиняемого, которому жмут тисками голени и пальцы на руках, выворачивают суставы, жгут бока и подошвы, в которого вливают неимоверное количество воды. Этого нельзя делать всенародно — и суд уходит в подземелье, в застенок. Там заносит он в свои мертвые и бесцветные записи признания, данные с судорожными рыданиями или прерывающимся, умирающим шепотом. Отсюда — отсутствие, очевидно бесполезной, защиты, безгласность, письменность и канцелярская тайна. Очевидно, что и тут внутреннему убеждению судьи очень мало места. Если только он убежден, что пытка есть спасительное средство для получения истины, — а в этом горячо убеждены в лице выдающихся юристов все судьи того времени, — то решает дело не его совесть, а физическая выносливость подсудимого. Это время можно назвать временем предвзятости внутреннего убеждения. Человечество, однако, движется вперед, и к концу своего свыше трехвекового господства пытка сначала регулируется и сокращается и, наконец, исчезает с мрачных процессуальных страниц. Развивавшаяся рядом с нею система формальных, предустановленных доказательств — заменяет ее и господствует повсюду более или менее неограниченно до введения суда присяжных. Эта система дает в руки судье готовый рецепт, где установлены заранее виды и дозы доказательных средств, необходимых для излечения подсудимого от недуга, называемого преступлением. Задача судьи сводится к механическому сложению и вычитанию доказательств, вес и взаимная сила которых заранее определены, причем даже и для сомнения есть определенные, формальные правила. Хотя при господстве розыскного, следственного процесса, судебная власть сама собирает доказательства, но, собрав их, она не дает судье права свободно сопоставлять и сравнивать их, руководствуясь внутренним убеждением, а указывает ему для этого готовое непреложное мерило. Время господства системы формальных доказательств может быть названо временем связанности внутреннего убеждения судьи.

Новое время дает, наконец, надлежащую свободу убеждению судьи, возвращая его в положение античного судьи, но обставляя его личность и деятельность условиями и требованиями, которые

Московский застенок.

Рисунок из книги М. Пыляева «Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы». 1891 г.

обеспечивают, по мере возможности, правильность отправления правосудия. Розыск доказательств в самом широком смысле слова производит судья, вооруженный опытом и знанием, — и свою работу передает другим судьям, которые уже ее оценивают, присутствуя при совокупной работе сторон по разбору этих доказательств. При этом следственно-обвинительном производстве вывод о виновности является результатом сложной внутренней работы судьи, не стесненного в определении силы доказательств ничем, кроме указаний разума и голоса совести. Притом по важнейшим делам судебная власть зовет к себе в помощь общество в лице присяжных заседателей и говорит этим обществу: «Я сделала все, что могла, чтобы выяснить злое дело человека, ставимого мною на твой суд, — теперь скажи свое слово самообороны или укажи мне, что, ограждая тебя, я ошибалась в его виновности».

Повсеместное отсутствие требований от присяжных мотивировки их решения есть самое яркое признание свободы судейского убеждения. Но,

ставя высоко эту свободу как необходимое условие истинного правосудия, надо не смешивать ее с произволом, с усмотрением судьи, лишенным разумного основания и не опирающимся на логический вывод из обстоятельств дела. Свобода внутреннего убеждения состоит по отношению к каждому доказательству в том, что доказательство это может быть принято судьей за удостоверение существования того или другого обстоятельства лишь тогда, когда, рассмотрев его, обдумав и взвесив, судья находит его по источнику и содержанию не возбуждающим сомнения и достойным веры — по отношению ко всем доказательствам вместе — в том, что сопоставление, противопоставление и проверка одних доказательств другими совершается не по заранее начерченной программе, а путем разумной критической работы, ищущей доступной человеку ступени правды, и одной правды, как бы, в некоторых случаях, ни было тяжело подчинить свое личное чувство последовательному выводу сознания.

Судья — орган государства. Оно смотрит на него как на средство ближе и правильнее исполнить свою задачу охранения закона. Напряжение душевных сил А. Ф. Кони судьи для отыскания истины в деле есть исполнение поручения государства, которое, уповая на спокойное беспристрастие его тяжелого подчас труда, вверяет ему частицу своей власти. Поэтому оно ждет от судьи обдуманного приговора, а не мимолетного мнения, внушенного порывом чувства или предвзятым взглядом. Для правосудия является бедствием, когда в приговорах *stat pro ratione voluntas*^{*}. Поэтому судья, решая дело, никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить: «*sic volo, sic jubeo*» — я так хочу. Он должен говорить, подобно Лютеру: — «*ich kann nicht anders!*» — я не могу иначе, — не могу потому, что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона — твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого заговорит моя совесть как судьи и человека. Постановляя свой приговор, судья может ошибаться; но если он хочет быть действительно судьей, а не представителем произвола в ту или другую сторону, он должен основывать свое решение на том, что в данное время ему представляется логически неизбежным и нравственно-обязательным. Тот же Лютер объясняет, что «грех против Духа Святого» состоит в «дьявольском упорстве», с которым человек, раз разубедившись в чем-либо, не хочет быть разубежденным. «Я узнал этот грех, — прибавляет он с иронией, — лишь когда стал ученым доктором...»

Одно внутреннее убеждение, не стесненное обязательными правилами или формальными указаниями, не может, однако, обеспечить справедливости решений. В самом судье и во внешних обстоятельствах могут лежать причины к тому, чтобы судья не умел и не мог применить к делу всю полноту внутреннего своего убеждения или дать ему правильный исход. Человеку свойственны увлечения, создающие односторонний взгляд на вещи, в его деятельности возможны ошибки, недосмотры и неверное понимание предметов сложных или необычных. Наконец, судья может страдать недостатком, столь часто встречающимся у нас и названным Кавелиным «ленью ума». Эта лень ума, отказывающегося проникнуть в глубь вещей и пробивать себе дорогу среди кажущихся видимостей и поверхностных противоречий, осо-

бенно нежелательна ввиду того, что в деле суда достоверность вырабатывается из правдоподобности и добывается последовательным устранением возникающих сомнений. Благотельный и разумный обычай, обратившийся почти в неписанный закон, предписывает всякое сомнение толковать в пользу подсудимого. Но какое это сомнение? Конечно, не мимолетное, непроверенное и соблазнительное по легко достигаемому при посредстве его решению, являющееся не плодом вялой работы ленивого ума и сонной совести, а остающееся после долгой, внимательной и всесторонней оценки каждого доказательства в отдельности и всех их в совокупности, в связи с личностью и житейскою обстановкой обвиняемого. С сомнением надо бороться — и победить его или быть им побежденным, так, чтобы в конце концов, не колеблясь и не смущаясь, сказать решительное слово — «виновен» или «нет»... Итальянский процесс, установляя парламентский, а не судебный способ подачи голосов присяжными заседателями, в силу которого последним предоставляется воздерживаться от подачи голоса, опуская в урну белые бумажки, — потворствует, ко вреду для правосудия, такой бездеятельности ума и совести, создавая почву для той инертности духа, которая вместе с жадным исканием подчинения авторитету и с рабством пред своею чувственною природою составляет, по учению Фихте, один из главнейших пороков человечества.

Но опасности, грозящие выработке правильного приговора, могут исходить не только из личных свойств судьи, — они могут лежать вне судьи, влияя пагубным для правосудия образом на спокойствие решения и его независимость от посторонних личных соображений.

Приказание, идущее от имущих власть, и возможность удалить судью от его дела или вовсе лишить его привычной деятельности и настойчивые, влиятельные просьбы и внушения способны создать в суде постоянную тревогу за свое положение вообще, опасение последствий своего предстоящего решения и страх по поводу уже состоявшегося. К судье следует предъявлять высокие требования не только в смысле знания и умения, но и в смысле характера, но требовать от него героизма невозможно. Отсюда необходимость оградить его от условий, дающих основание к развитию в нем малодушия и вынужденной угодливости. Отсюда несменяемость судьи, дающая честному, строго исполняющему свои обязанности человеку безупречного поведения возможность спокойно и бестрепетно осуществлять свою судейскую дея-

^{*} Решение зависит от личного желания.

тельность. Положение, при котором судья может совершенно не помышлять о своем завтрашнем дне, а думать лишь о завтрашнем дне судимого им обвиняемого, положение, характеризующее знаменитыми словами «*la Courrend des arrêts et pas des services**», — есть одно из лучших речательств правильности приговоров.

Есть, однако, другой вид давления на судью, от которого его должна ограждать не одна несменяемость, но и другие, нравственные условия исполнения долга. Это давление окружающей среды, выражающееся весьма многообразно, чувствительно и вместе неуловимо, создающее около судьи, в его общественной жизни ту атмосферу, которая стремится властно повлиять на исход его работы по тому или другому отдельному делу или ряду дел. Под видом «общественного мнения» судье указывается иногда лишь на голос «общественной страсти», следовать которому в судебном деле всегда опасно и нередко недостойно. Судья должен стоять выше этого в выполнении своей высокой задачи, основанной не на временных и преходящих впечатлениях, а на вечных и неизменных началах правосудия.

Забывая мудрый совет глубокого мыслителя и юриста Бентама, указывающего, что, исполняя свой долг, судья должен иногда идти против вожелений толпы... судья, боясь общего неудовольствия, утраты популярности и трудной аналитической работы ума, может пожелать во мнении пестрого и волнуемого большинства найти легкий и успешный исход для своей заглушенной на время совести и умыть себе руки. Такие судьи бывали, и имена некоторых приобрели себе бессмертие. В одной старой и чудной книге, пережившей века, рассказан процесс, произведенный таким судьей и под влиянием таких указаний. Это было 1872 года назад. Судью звали Понтий Пилат.

Иногда, не вдумавшись глубоко в смысл судебной деятельности присяжных заседателей, в них хотят видеть представителей общественного мнения по данному делу. Это совершенно ошибочно. Было бы очень печально, если бы присяжные приносили в суд это уже заранее сложившееся мнение, — мнение, которое «чрезвычайно подвижно, склонно увлекаться, бывает бессознательно игрушкой в руках своих развратителей или ловких агитаторов, сегодня превозносит то, что еще вчера топтало в грязь — и будучи часто справедливым в своих вкусах, иногда бывает жесто-

ко несправедливо в поверхностной оценке фактов и побуждений. Недаром закон предостерегает присяжных от мнений, сложившихся вне стен суда, и вносит это предостережение даже в текст их присяги. Те, кто разделял трудные судебские обязанности с присяжными, знают, что последние служат не представителями мимолетного мнения плохо осведомленной массы, а являются выразителями общественной совести, веления которой коренятся в глубине правового мирозерцания народа и в каждом случае применяются к оценке совокупности всех обстоятельств дела.

Но кроме давления на имеющий состояться приговор, возможны тягостные упреки судье, отчуждение от него отдельных личностей и даже мщение ему по поводу постановленного им или при его участии приговора. Это в особенности применимо по отношению к присяжным заседателям, почерпнутым из общественного моря и снова в него возвращающимся. Вот почему закон, ограждая свободу убеждения присяжных, устанавливает строгие правила о тайне их совещаний. Уголовный приговор обыкновенно выражает собою мнение большинства, которому должно подчиняться меньшинство, не утрачивая самостоятельности своего взгляда и оставляя его след в особых мнениях, но судебные обычаи и приличия требуют, чтобы судья, оставшийся в меньшинстве, не разглашал без нужды своего несогласия с состоявшимся решением, давая тем пищу страстям и праздному любопытству.

Так называемые «судебные ошибки» далеко не всегда бывают следствием бессознательного заблуждения или несчастного стечения обстоятельств. История знает, помимо явно пристрастных, жестоких и бездоказательных приговоров, постановленных в угоду рассчитанному мщению или политическим страстям, приговоров, горящих на ее страницах, как несмываемое кровавое пятно на руке леди Макбет, — еще и такие, где в оценке доказательств невольно чувствуется влияние на судей предвзятых мнений окружающей среды. Такие приговоры, представляя, по прекрасному выражению канцлера Дагессо, «общественное бедствие», многие годы тревожат совесть сменяющихся поколений и вызывают к их правосудию, в то время, когда по приговорам первого рода история — этот *testis temporum, vita memoriae, lux veritatis*** — давно уже постановила свое оправдательное решение несчастным подсудимым.

* Суд выносит приговор, но не оказывает услуг.

** Свидетель времени, жизни рассказ, солнечный свет правды.